

Аромат забытого мира

Дмитрий Вектор

Дмитрий Вектор

Аромат забытого мира

«Автор»

2025

Вектор Д.

Аромат забытого мира / Д. Вектор — «Автор», 2025

Тридцать лет назад мир задохнулся. Эфир — биологическое оружие, созданное гениальным учёным Дюфуром для спасения человечества — превратился в его убийцу. Города опустели, миллиарды погибли, а выжившие спрятались в последнем убежище — башне Тур-Сите над руинами Парижа. Люсьен Дюваль — один из субъектов проекта "Осмос", детей, которых превратили в живые биосенсоры. Его проклятие и дар — способность чувствовать мир через запахи с невероятной точностью. Когда в городе начинаются загадочные убийства, а люди превращаются в хрустальные статуи, Люсьена отправляют на расследование в сердце мёртвого Парижа. Там, среди руин и мутантов, он находит Алису — девушку, потерянную тридцать лет назад и ставшую чем-то большим, чем человек. Вместе они раскрывают правду о катастрофе, о безумном создателе Эфира и о том, что человечество стоит на грани второго апокалипсиса.

© Вектор Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Первый вдох.	5
Глава 2. Спуск.	8
Глава 3. След крови и бергамота.	11
Глава 4. Встреча с Мутантом.	14
Глава 5. Сад Люксембург.	17
Глава 6. Маэстро у органа.	20
Глава 7. Ольфакторная запись смерти.	23
Глава 8. Дар Маэстро.	26
Глава 9. Возвращение.	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Дмитрий Вектор

Аромат забытого мира

Глава 1. Первый вдох.

Запах лжи похож на электрический озон перед грозой, которая никогда не начнется. Приторный, удушливый, он щекочет ноздри и оставляет металлический привкус на задней стенке глотки. Генерал Моро лгал уже пятнадцать минут подряд, и я чувствовал, как этот запах пропитывает его парадный мундир, оседает на эпигастральных знаках отличия, смешивается с дорогим одеколоном "Дюпон".

— Простая операция, Люсьен, — говорил генерал, постукивая пальцами по голографической карте. — Рутинная. Спустишься, найдешь капсулу с данными, вернешься к обеду.

Я смотрел на светящиеся контуры затопленного Парижа и молчал. В кабинете генерала пахло стерильным кондиционированным воздухом, синтетическим кофе и тем самым озоном. Много озона.

— К обеду, говорите? — я прищурился, глядя на глубину погружения. — Сектор "Опера", уровень минус сорок два. Там концентрация Эфира достигает восьмидесяти процентов. Мой респиратор продержится четыре часа. Максимум пять.

— Поэтому ты получишь новую модель. АРС-9. Японская разработка, — генерал кивнул адъютанту, и тот поставил на стол металлический кейс. — Автономность двенадцать часов, встроенный хроматограф, синхронизация с имплантатами твоего обонятельного нерва.

Я открыл кейс. Респиратор действительно был произведением искусства — легированный титан, биометрические сенсоры, мембраны из нанотрубок. Но дело было не в нем.

— Экспедиция "Бета-7" пропала девять дней назад, — сказал я. — Девять. У них была связь, провиант на две недели, полный комплект защиты. Они знали, что делают. И они исчезли. Вы послали поисковую группу. Она тоже не вернулась. Теперь моя очередь?

Моро поднялся из-за стола. Он был высоким, жилистым мужчиной лет шестидесяти, с лицом, изрезанным старыми шрамами от спор Эфира. Таких шрамов сейчас уже не бывает — респираторы стали лучше. Но Моро помнил времена, когда Эфир был новым, непознанным ужасом.

— "Бета-7" нашла нечто, — сказал он тихо. Запах озона усилился, но к нему примешалось нечто новое. Страх. Моро боялся. — За час до исчезновения они передали координаты объекта. Назвали его "Исходной точкой". Потом связь оборвалась.

— Исходная точка чего?

— Эфира. — Генерал посмотрел в окно, за которым висел белесый купол облаков. Там, внизу, под этой ватой тумана, лежал мир, который мы потеряли тридцать лет назад. — Они считают, что нашли место, где началась катастрофа. Эпицентр.

Я почувствовал, как у меня пересохло во рту. Тридцать лет человечество пыталось понять, почему в один момент привычная реальность изменилась. Теории были разные: от техногенной катастрофы до божьего наказания. Но эпицентра никто не находил. Эфир появился словно ниоткуда, мгновенно, одновременно в сотнях точек планеты.

— Если они его нашли — начал я.

— Если они его нашли, мы сможем изучить природу Эфира. Понять его. А может быть, даже обратить процесс вспять, — генерал снова сел, и запах страха стал слабее. Появилась надежда. Она пахла свежескошенной травой и дождем. Это был хороший запах. Честный. — Ты лучший "нос" в Тур-Сите, Люсьен. Лучший из тех, кто у нас есть. Если там внизу остались следы, хоть призраки ароматической записи — ты его найдешь.

Я взял респиратор из кейса. Холодный металл приятно лег в ладонь. На внутренней поверхности маски уже светились биометрические индикаторы, настраиваясь под частоту моего дыхания.

— Мне нужен Тьерри, — сказал я. — И полная свобода действий внизу. Без постоянных запросов на связь. Эфир не любит радиоволн.

— Тьерри уже ждет тебя на платформе спуска. Свобода действий гарантирована, — Моро протянул мне планшет с электронным контрактом. — Стандартные условия. Плюс компенсация семье в случае.

— Случая не будет, — я поставил отпечаток пальца на сенсор. Контракт засветился зеленым. — Я всегда возвращаюсь.

Это была ложь, и мы оба это знали. Но она не пахла озоном. Она пахла адреналином и чем-то горьким, древесным. Готовностью умереть? Или готовностью убивать? Я до сих пор не научился их различать.

Платформа спуска находилась на самом краю Тур-Сите, там, где стеклянные небоскребы обрывались в белую пустоту. Тьерри проверял снаряжение, когда я вышел из лифта. Он не обернулся, но я знал, что он почувствовал мой запах — все чувствовали. Я пах озоном и чем-то металлическим, чего не мог объяснить даже сам. Говорили, это побочный эффект имплантов в обонятельных луковицах мозга.

— Генерал сказал, нас ждет легкая прогулка, — произнес Тьерри, не отрываясь от проверки винтовки. — Значит, планируй похороны.

Я усмехнулся. Тьерри был циником, но честным. Он пах оружейной смазкой, табачным дымом и старым, выветрившимся чувством вины. Я никогда не спрашивал, за что он себя винит. У каждого, кто спускается в Эфир, есть свои причины.

— APC-9, — я показал респиратор. — Японцы обещают двенадцать часов.

— Японцы обещали, что Эфир рассеется через год, — Тьерри наконец обернулся. Его лицо было обветренным, покрытым сеткой мелких морщин. Тридцать спусков. Может, сорок. — Но раз генерал раскошелится на новые игрушки, значит, там внизу что-то стоящее.

Или что-то смертельное. Я не стал озвучивать эту мысль вслух.

Герметичная капсула ждала нас у края платформы. Она висела на тросе толщиной с человеческую руку, уходящем вниз, в молочную белизну Эфира. Внутри капсулы пахло машинным маслом и озоном — всегда озоном. Это был запах границы между мирами.

— Последний шанс передумать, — сказал Тьерри, когда мы пристегивались к креслам.

— У меня нет шанса передумать, — ответил я, надевая респиратор. Мир мгновенно стал другим. Все запахи отфильтровались, преобразовались в цифровые индикаторы на внутреннем дисплее. Чистота воздуха: 98%. Токсичность: 0,02%. Концентрация спор: минимальная. — У меня есть только шанс выжить.

Капсула дрогнула и начала спускаться. Белизна за стеклом становилась все плотнее, превращаясь из легкого тумана в густое, вязкое месиво. Свет померк. Остались только огни приборной панели и тусклое свечение Эфира — он был биолюминесцентным, эта его особенность до сих пор не находила объяснения.

На глубине в сто метров я переключил респиратор в режим активного поиска. Встроенные сенсоры начали анализировать химический состав окружающей среды, разделяя молекулы по массе и сложности. На дисплее появились первые данные.

Метан. Сероводород. Аммиак. Продукты распада органики. Стандартный букет затопленного города. Но между этими грубыми нотами пробивалось нечто иное. Тонкое. Почти неуловимое.

— Ты чувствуешь? — спросил я Тьерри.

— Я ничего не чувствую. Я не псих с обонянием хищника.

— Там что-то есть. Что-то новое.

Запах усиливался по мере погружения. Он был похож на аромат цитрусовых, но с металлической подложкой. Лимон и медь. Или бергамот и кровь. Свежая кровь.

Капсула остановилась на глубине четырёхста двадцать метров. Мы были на уровне крыши старого Парижа, там, где когда-то шумели бульвары, а теперь плавали только тени и споры.

— Выходим, — скомандовал Тьерри, проверяя карабины.

Я открыл люк. Эфир хлынул внутрь, и даже через респиратор я почувствовал его — густой, маслянистый, живой. Он был как океан, только вместо воды — запахи. Миллионы ароматов, наслоившихся друг на друга за тридцать лет забвения.

Мы шагнули на крышу затопленного дома. Черепица под ногами была скользкой от спор. В Эфире не было верха и низа, не было горизонта. Было только вечное, мутное свечение и тишина, которая давила на барабанные перепонки.

Запах цитрусов и крови стал сильнее. Он вел нас вперед, как нить Ариадны в лабиринте. Я шел по следу, даже не задумываясь, как собака, взявшая дичь.

И именно в этот момент я понял: что-то было не так. Этот запах не должен был здесь быть. Он был слишком свежим. Слишком человеческим.

Кто-то был здесь совсем недавно. И этот кто-то был жив.

Глава 2. Спуск.

В Эфире не существовало понятия "тишина". Была только густота звука, его вязкость. Каждый шаг отзывался глухим, ватным эхом, словно ты идешь по дну океана в свинцовых ботинках. Тьерри двигался впереди, его силуэт расплывался в молочной белизне, превращаясь в размытое пятно. Я шел следом, ориентируясь не на зрение — оно здесь было почти бесполезным — а на запах.

Тьерри пах табаком и оружейной смазкой. Этот аромат был моим компасом.

— Датчики показывают координаты последнего сигнала "Бета-7" в двухстах метрах к северу, — голос напарника прозвучал в моем шлеме приглушенно, словно сквозь толщу воды. — Но в Эфире "север" — понятие условное.

Я знал, о чем он говорил. Магнитное поле здесь вело себя непредсказуемо. Компасы сходили с ума, GPS терял сигнал. Оставались только старые методы — засечки на стенах, светящиеся маркеры и чертова интуиция.

— Веди по приборам, — сказал я, поправляя респиратор. — Я пойду по запаху.

— Твой запах может завести нас в жопу мира.

— Моя работа — идти в жопу мира. Твоя — вытаскивать меня оттуда.

Тьерри хмыкнул. Это был хороший знак. Когда он переставал шутить, значит, дела были по-настоящему плохи.

Мы спустились с крыши по аварийной лестнице, почерневшей от спор. Металл под ногами был скользким, покрытым чем-то, похожим на слизь. Биопленка. Эфир был живым — не в буквальном смысле, но он создавал условия для возникновения странных, химерических форм жизни. Грибницы величиной с автомобиль. Плесень, светящаяся в темноте. Существа, которые не вписывались ни в одну классификацию.

Респиратор фильтровал воздух, но даже через мембраны я чувствовал богатство ароматов. Эфир был симфонией запахов, наслоившихся друг на друга за тридцать лет. Здесь пахло ржавчиной и дождем, гнилыми листьями и озоном, пылью библиотек и пеплом сгоревших домов. Каждый вдох был археологической экспедицией в прошлое.

— Стоп, — я поднял руку.

Тьерри замер, не задавая вопросов. Он научился доверять моему носу.

Я закрыл глаза и переключил респиратор в режим тонкого анализа. APC-9 был шедевром японской инженерии — он не просто фильтровал, он расщеплял молекулы на составляющие, показывая химическую структуру на внутреннем дисплее. Но для настоящей работы мне нужны были собственные рецепторы, усиленные имплантами.

Я приоткрыл клапан на боковой части маски. Струйка нефильтрированного воздуха проникла внутрь. Риск? Безусловно. Споры могли быть токсичными. Но без этого я был просто ходячим хроматографом. А мне платили не за то, чтобы я ходил.

Запах ударил в ноздри, словно пощечина. Эфир был едким, маслянистым, с привкусом йода и серы. Но сквозь эту какофонию пробивалась та самая нота. Бергамот и кровь. Лимонная кислота и гемоглобин. Свежая, почти горячая.

— Направо. Двадцать метров. Там что-то есть, — сказал я, закрывая клапан. Сердце колотилось. Адреналин. Страх. Или предвкушение?

Мы двинулись вдоль фасада здания. Вывеска аптеки висела на одном болте, качаясь в невидимом течении. В Эфире были течения — медленные, вязкие потоки воздуха, несущие споры и ароматы. Иногда они были настолько мощными, что могли сбить человека с ног.

Тьерри толкнул дверь аптеки. Она поддалась с протяжным скрипом. Внутри было темнее, чем снаружи. Тусклое свечение Эфира с трудом пробивалось сквозь витрину, заросшую черной плесенью.

— Свет, — скомандовал Тьерри.

Я включил фонарь на шлеме. Луч выхватил из темноты перевернутые стеллажи, разбитые витрины, горы просыпавшихся таблеток. На полу валялись скелеты — двое. Может быть, они пытались укрыться здесь, когда началась катастрофа. Может, решили покончить с собой, приняв горсть снотворного. Я никогда не узнаю.

Но их запах я знал. Смерть тридцатилетней давности пахла известью и пылью. Сухая, нейтральная, почти стерильная.

Запах крови был другим. Он пульсировал где-то здесь, рядом, словно живое сердце.

— За прилавком, — я направил луч фонаря.

На полу, за массивным деревянным прилавком, лежал рюкзак. Стандартный экспедиционный, с маркировкой Тур-Сите. На боку красовался номер: В-7-03. "Бета-7", третий участник.

— Вот дерьмо, — выдохнул Тьерри, опускаясь на корточки. — Это Марсель. Марсель Дюбуа. Я его знал.

Он потянулся к рюкзаку, но я перехватил его руку.

— Не трогай. Пока не трогай.

— Почему?

— Потому что это ловушка. Посмотри.

Я направил свет на пол вокруг рюкзака. На первый взгляд — ничего необычного. Пыль, мусор, осколки стекла. Но я видел то, что не видел Тьерри. След. Точнее, отсутствие следа.

— Вокруг рюкзака нет пыли, — сказал я. — Кто-то положил его сюда недавно. Очень недавно.

— Марсель?

— Марсель мертв. Как и вся его команда. Я чую смерть, Тьерри. Здесь ее нет. Здесь только приманка.

Тьерри поднялся, медленно отступая назад. Рука его легла на рукоять пистолета.

— Кто мог.

Он не закончил. Из глубины аптеки, из подсобного помещения, донесся звук. Не шаги — в Эфире звук шагов почти неслышен. Это было дыхание. Тяжелое, влажное, с хрипом.

И запах. Господи, этот запах.

Мускус и гниль, смешанные с чем-то сладким. Ваниль? Нет. Это был синтетический аромат, духи. Очень дорогие духи. Я знал этот запах. "Шанель №5". Классика парфюмерии, созданная до катастрофы.

Из темноты выползло нечто.

У него не было глаз — только провалы, затянутые серой пленкой. Тело было гуманоидным, но конечности слишком длинными, суставы сгибались под неправильными углами. Кожа — если это можно было назвать кожей — была покрыта слизью, переливающейся в свете фонаря.

Мутант. Эфирный странник. Жертва тридцатилетнего пребывания в тумане.

Но самым странным был запах. Поверх вони разложения лежал аромат "Шанели", точно кто-то облил существо из пульверизатора.

— Назад! — крикнул Тьерри, выхватывая пистолет.

Выстрел в замкнутом пространстве был оглушительным даже через защиту шлема. Пуля вошла в грудь мутанта, оставив рваную дыру. Из нее потекла не кровь, а густая, желтоватая жидкость.

Существо даже не замедлилось. Оно двигалось быстро, слишком быстро для своих размеров. Тьерри выстрелил еще раз, и еще. Одна пуля попала в то место, где у человека была бы голова. Мутант покачнулся, но не упал.

— К выходу! — заорал я, хватая Тьерри за плечо.

Мы бросились к двери. Существо взвыло — высоким, режущим ухо звуком — и бросилось следом. Я чувствовал его запах за спиной, густой и удушливый, перебивающий даже фильтры респиратора.

Мы выскочили на улицу. Эфир встретил нас своей вязкой белизной, и я на секунду потерял ориентацию. Где верх, где низ?

— Сюда! — Тьерри дернул меня влево.

Мы бежали вслепую, спотыкаясь о невидимые препятствия. Позади раздавался топот — влажный, хлюпающий звук погони.

— Гранаты! — крикнул Тьерри. — У меня есть световые гранаты!

— Не здесь! — я задыхался. Респиратор не успевал подавать кислород при такой нагрузке. — Завал обвал нас накроет.

Но выбора не было. Тьерри сорвал гранату с пояса, взвел, швырнул назад, не глядя.

Вспышка была ослепительной даже сквозь фильтры визора. Ударная волна швырнула нас вперед. Я упал, ударившись плечом о что-то твердое. Звон в ушах. Мир превратился в белый шум.

Когда зрение вернулось, я увидел, что мы лежим у подножия какого-то здания. Позади — облако пыли и спор, медленно оседающее. Существа не было видно. Но я чувствовал его запах. Оно было где-то рядом, в тумане. Раненое, но живое.

И оно пахло "Шанелью".

— Кто-то пометил его, — выдавил я, поднимаясь на колени. — Как собаку. Метка ольфакторная метка.

— Что? — Тьерри приложил руку к шлему, проверяя герметичность. — О чем ты?

— Кто-то использует мутантов. Маркирует их духами. Дрессирует? Контролирует? Не знаю. Но это не случайность. Рюкзак приманка монстр со следом парфюма.

Я замолчал. Мысли складывались в картину, и эта картина мне не нравилась. Кто-то знал, что мы придем. Кто-то оставил рюкзак как наживку. Кто-то натравил на нас существо, помеченное запахом роскоши из мертвого мира.

— Нас ждали, — сказал я тихо.

— Бред, — Тьерри встал, тяжело дыша. — Кто мог нас ждать? Здесь никого нет. Тридцать лет никого.

— Но кто-то есть сейчас. И этот кто-то играет с нами. Оставляет следы. Ароматы. Подсказки.

Тьерри посмотрел на меня долгим взглядом. Потом покачал головой.

— Двенадцать часов автономности, Люсьен. Мы потратили уже два. Если хочешь ловить призраков — ищи их быстрее.

Он был прав. Время шло. И запах лимона и крови становился сильнее, отчетливее. Он тянул меня вперед, вглубь Эфира, туда, где ждали ответы.

Глава 3. След крови и бергамота.

Запах крови имеет химическую формулу. Гемоглобин разлагается на железо и белковые соединения, выделяя характерный металлический аромат с нотками серы. Свежая кровь пахнет остро, почти сладко. Старая — тухлым мясом и аммиаком. Я знал эту разницу так же хорошо, как музыкант знает ноты.

Кровь, которую я чувствовал сейчас, была свежей. Ей не больше часа. Может быть, меньше.

— Ты уверен, что нам туда? — Тьерри смотрел на арку, ведущую в подземный переход. Тьма там была абсолютной, даже свечение Эфира не проникало вглубь.

— Запах идет оттуда, — я проверил заряд батареи респиратора. Девять часов двадцать минут. Времени было достаточно, если не случится ничего непредвиденного. Но в Эфире непредвиденное было нормой.

Мы спустились по ступеням, скользким от биопленки. Стены перехода были покрыты граффити — последние послания мира, который перестал существовать. "Помогите", "Мама, я люблю тебя", "Бог умер здесь". Краска потускнела, буквы расплылись, но смысл остался.

Внизу пахло сильнее. Запах накладывался слоями, как в парфюмерной композиции. Верхняя нота — бергамот, яркий, цитрусовый, почти электрический. Средняя — кровь, теплая и медная. Базовая базовая нота была странной. Что-то органическое, но не гнилостное. Живое.

— Свет, — скомандовал Тьерри.

Луч фонаря выхватил из темноты перрон. Старая станция метро, затопленная Эфиром. Рельсы исчезали в тумане, уходя в бесконечность. На платформе стояли силуэты — замершие фигуры людей.

Я замер, и Тьерри тоже. Его рука легла на курок.

— Это не люди, — сказал я тихо. — Это статуи.

Мы подошли ближе. Фигуры действительно были неподвижны. Люди — мужчины, женщины, дети — застыли в разных позах. Кто-то сидел на скамейке, кто-то стоял у края платформы, кто-то обнимал ребенка. Их одежда истлела, но тела тела были целы. Кожа стала серой, восковой, но форма сохранилась.

— Мумификация? — предположил Тьерри.

— Нет. Это — я наклонился к ближайшей фигуре, женщине с младенцем на руках. Включил анализатор. Данные поползли по экрану. — Это окаменение. Биологическая ткань преобразована в минеральную структуру. Они стали камнем.

— Это невозможно.

— В обычном мире — да. Здесь — я не закончил. В Эфире было возможно многое, что противоречило законам физики. Мутации, временные аномалии, искажения пространства. Но превратить человека в статую за секунды? Это было ново.

Запах крови усилился. Он тянулся дальше, вдоль платформы, к служебному туннелю.

Мы миновали лес каменных людей. Их лица были спокойны. Никакого ужаса, никакой боли. Словно смерть пришла мгновенно, и они даже не успели испугаться. Или им показали что-то настолько прекрасное, что они забыли бояться.

Служебный туннель был узким. Мы шли гуськом, я впереди, Тьерри прикрывал тыл. Запах становился плотнее, осязаемым. Я почти видел его — алую нить, протянутую сквозь серость Эфира.

— Люсьен, — голос Тьерри был напряженным. — Датчики показывают аномалию. Температура растет.

Я посмотрел на свой дисплей. Действительно, воздух становился теплее. В Эфире обычно было холодно — вечные десять градусов, плюс-минус. Сейчас термометр показывал семнадцать. Потом двадцать. Двадцать пять.

— Источник тепла впереди, — сказал я. — Идем.

Туннель расширился, превратившись в зал. Старая диспетчерская, заваленная ржавым оборудованием. Но посреди хаоса было пространство, расчищенное от мусора. Круг диаметром метров пять. А в центре.

В центре лежал человек.

Он был жив. Грудь вздымалась и опадала. Одежда — остатки экспедиционного костюма "Бета-7" — была разорвана, но тело под ней казалось целым. И от него исходил тот самый запах. Кровь и бергамот.

— Марсель, — выдохнул Тьерри, делая шаг вперед.

— Стой! — я перехватил его плечо. — Посмотри на круг.

Граница расчищенного пространства была слишком четкой. Слишком правильной. А на полу, едва заметные в свете фонарей, были знаки. Не надписи — символы. Геометрические фигуры, связанные линиями.

— Это ловушка, — сказал я.

— Он умирает! — Тьерри дернулся, пытаясь вырваться.

— Он приманка! Как рюкзак! Его оставили здесь!

Но было поздно. Тьерри шагнул на границу круга.

И воздух взорвался ароматом.

Это было не просто усиление запаха. Это была ольфакторная волна, физическое давление, бьющее в ноздри, проникающее сквозь фильтры, сквозь защиту. Бергамот, лимон, грейпфрут — взрыв цитрусовых нот, настолько мощный, что я пошатнулся. А следом — кровь. Не человеческая. Звериная. Волчья? Медвежья? Я не мог определить. Она была дикой, первобытной, пахла охотой и убийством.

Тьерри упал на колени, схватившись за шлем.

— Не чувствую не чувствую ног — его голос прерывался помехами.

Я рванулся к нему, но запах ударил снова. Теперь в нем была новая нота. Ваниль. Теплая, домашняя, успокаивающая. Она гасила панику, растворяла страх. Хотелось снять респиратор, вдохнуть полной грудью, позволить аромату заполнить легкие, кровь, мозг.

"Нет."

Я укусил язык. Боль была острой, отрезвляющей. Медный вкус крови во рту. Моей собственной крови.

Я схватил флакон, который дал мне Маэстро. Нет, не Маэстро. Маэстро будет в следующих главах. У меня не было флакона. У меня была только воля.

Я переключил респиратор в режим максимальной фильтрации. Мембраны заскрежетали, работая на пределе. Поток воздуха стал тонким, задохаться, но запах ослаб.

— Тьерри! — я схватил его за лямку рюкзака, потянул назад. — Выползай! Назад!

Он не слышал. Или не мог двигаться. Парализован? Ольфакторный шок мог вызвать временный паралич, если концентрация молекул была критической.

Лежащий в центре круга человек вдруг открыл глаза. Они были пустыми, белесыми, как у слепца. Губы его шевельнулись, и я увидел, что язык раздвоен, как у змеи.

— Добро пожаловать, — голос был хриплым, но слова четкими. — Нос из Тур-Сите. Тот, кого мы ждали.

— Кто ты? — я держал Тьерри одной рукой, другой тянулся к пистолету.

— Я? Никто. Сообщение. Приглашение. — существо, которое когда-то было Марселем, улыбнулось. Зубы были острыми. — Мастер хочет видеть тебя. Мастер хочет поиграть. Ты идешь по следу, но след ведет тебя. Понимаешь?

— Какой мастер?

— Тот, кто знает все ароматы. Тот, кто помнит запах первого дня. Тот, кто найдет последнее дыхание. — Марсель или то, что от него осталось, поднялся. Движения были плавными, нечеловеческими. — Он оставил тебе дары. Монстра с "Шанелью". Меня. Скоро будет еще. Иди глубже, Нос. В сердце. В сад. Там он ждет.

— Я не играю в чужие игры.

— Все играют. Хотят они или нет. — Марсель сделал шаг к границе круга. Запах усилился, стал почти материальным, красной пеленой перед глазами.

Я выстрелил.

Пуля прошла сквозь грудь Марселя, оставив дыру, из которой потекла не кровь, а светящаяся жидкость. Она пахла озоном и жженым сахаром.

Существо посмотрело на рану с любопытством.

— Больно? Нет. Я не помню, что это. Мастер забрал боль. Оставил только — он вдохнул, — запахи. Все запахи мира. Ты хочешь так же? Ты хочешь знать?

— Тьерри! Двигайся! — я выстрелил еще раз, в голову.

На этот раз Марсель упал. Но я знал, что это временно. Что бы его ни изменило, обычные пули были бесполезны.

Я дотащил Тьерри за границу круга. Как только мы покинули зону, запах ослаб, стал терпимым. Тьерри закашлялся, задержался.

— Что что это было?

— Ловушка. Приглашение. Предупреждение. Не знаю, — я помог ему встать. — Можешь идти?

— Могу. Но, Люсьен — он посмотрел на меня сквозь визор. — Что он имел в виду? Какой мастер? Какой сад?

Я вспомнил слова генерала Моро. "Исходная точка". Место, где началась катастрофа.

— Люксембургский сад, — сказал я. — Мы идем в Люксембургский сад.

Позади раздался смех. Марсель поднимался, несмотря на дыры в теле.

— Да, — прохрипел он. — Иди в сад. Там цветы поют, деревья помнят, и аромат правды растет на костях лжи. Иди, Нос. Твоя судьба ждет под лепестками роз.

Мы побежали. Туннель, платформа, лестница наверх. Каменные статуи смотрели нам вслед пустыми глазами. А запах крови и бергамота тянулся за нами, как невидимая цепь.

Когда мы выбрались на поверхность, в густоту Эфира, я остановился и проверил датчики. Люксембургский сад был в двух километрах. Два километра сквозь мертвый город, наполненный ловушками.

Глава 4. Встреча с Мутантом.

Париж под Эфиром был лабиринтом без выхода. Улицы, которые я помнил по картам, больше не существовали в привычном смысле. Здания проваливались в землю или, наоборот, вырастали из неё, как гнилые зубы. Асфальт дышал, покрытый живой биопленкой. А воздух был супом из запахов, в котором тонули все ориентиры.

— Сколько нам осталось? — голос Тьерри звучал усталым. Встреча с Марселем выбила из него обычную уверенность.

Я проверил навигатор. GPS сходил с ума, показывая нашу позицию то на площади Согласия, то на Монмартре, хотя мы двигались по прямой. В Эфире пространство искажалось, складывалось само в себя, как оригами из реальности.

— По ароматическому следу — километр, может, полтора, — ответил я, ориентируясь на запах крови и бергамота. Он тянулся впереди, алой нитью сквозь серость. — Но в Эфире это может быть и пять, и двадцать.

— Отлично. Просто чертовски отлично, — Тьерри остановился, опираясь на обломок стены. — У нас восемь часов автономности. Если мы потеряемся.

— Мы не потеряемся.

— Откуда такая уверенность?

— Потому что нас ведут. Как скот на бойню. Тот, кто оставил Марселя, тот, кто метит монстров духами — он хочет, чтобы мы дошли до сада. Значит, дойдем.

Тьерри посмотрел на меня долгим взглядом.

— Ты понимаешь, как это звучит? Мы идём в ловушку по собственной воле.

— У нас есть выбор? — я проверил магазин пистолета. Осталось одиннадцать патронов. Маловато для того, что нас ждало впереди. — Экспедиция "Бета-7" мертва. Поисковая группа исчезла. Если мы вернёмся ни с чем, пришлют следующих. И следующих. Пока кто-то не узнает, что там, в саду.

— И ты думаешь, это будем мы?

— Я думаю, у нас больше шансов, чем у остальных. — Я не стал добавлять: потому что я единственный "нос", способный читать ольфакторные послания. Потому что меня специально подготовили для этого. Имплантаты в мозгу, усиленные рецепторы, годы тренировок. Я был инструментом, созданным для работы в Эфире. И сейчас кто-то использовал этот инструмент.

Мы двинулись дальше. Эфир сгущался по мере приближения к саду. Видимость упала до двух-трёх метров. Я шёл практически вслепую, доверяя только обонянию.

И вдруг запах изменился.

К крови и бергамоту добавилась новая нота. Muskus. Животный, дикий, пахнущий опасностью и охотой. Я знал этот запах. Хищник.

— Стой, — я поднял руку.

Тьерри замер, вскидывая винтовку. Его дыхание участилось — я слышал это по звуку респиратора.

— Что там?

— Не знаю. Что-то большое. — Я переключил анализатор на максимальную чувствительность. Данные поползли по экрану. Muskus, действительно. Но не просто животный — синтетический. Поверх него лежал еще один слой. Духи. Другие, не "Шанель". Что-то мужское, с нотами кожи и табака. "Диор Саваж"? Нет, старше. "Гуччи Гилти"? Тоже не то.

Из тумана выплыла тень. Массивная, четвероногая, она двигалась бесшумно, как призрак. Когда она вошла в радиус света фонаря, я понял, что это было когда-то.

Собака. Точнее, то, что осталось от собаки после тридцати лет в Эфире. Размером с теленка, с шерстью, превратившейся в костяные пластины, с челюстью, усеянной тремя рядами

зубов. Глаза были пустыми провалами, но существо явно видело нас. Или чувствовало. Обоняние?

Оно остановилось в десяти метрах, рыча низко, утробно. И пахло пахло "Крид Авантюс". Я узнал этот аромат. Один из самых дорогих мужских парфюмов до катастрофы. Ананас, бергамот, ваниль и мускус. Его носили миллионеры и диктаторы.

— Оно помечено, — прошептал я. — Как то, в аптеке.

— Какая разница, — Тьерри прицелился. — Сейчас будет дохлым.

— Не стреляй!

Но было поздно. Выстрел прогремел, пуля ушла точно в череп мутировавшего пса. Голова дёрнулась назад, но существо не упало. Оно завывало — длинно, протяжно — и бросилось на нас.

Я едва успел отпрыгнуть. Тьерри выстрелил снова, очередью, расходуя патроны. Пули вгрызались в мутанта, оставляя кровоточащие раны, но не останавливали. Пёс был в метре от Тьерри, когда я сделал единственное, что пришлось в голову.

Я открыл клапан респиратора и выдохнул.

Не просто выдохнул — вытолкнул воздух из лёгких с силой, направляя его в сторону существа. Вместе с воздухом вышло нечто ещё. Мой запах. Запах хищника, стоящего выше в пищевой цепочке. Запах того, кто не боится.

Это была техника, которой меня учили в Архиве. "Ольфакторное доминирование". Теория гласила, что если правильно сконструировать феромональный коктейль и выбросить его в нужный момент, можно заставить противника отступить на уровне инстинктов.

Я никогда не пробовал её на мутантах.

Пёс замер в полуметре от Тьерри. Его пасть была открыта, слюна капала на пол, шипя и дымясь. Но он не двигался. Морда повернулась ко мне. Пустые провалы глаз смотрели, не видя, но чувствуя.

— Отступай, — сказал я Тьерри тихо. — Медленно. Не поворачивайся спиной.

Тьерри начал пятиться. Я держал зрительный контакт с мутантом, хотя понимал — это бессмысленно. Он не видел глазами. Он видел через запах. Видел мой страх, мою решимость, мою ложь о силе.

Существо сделало шаг назад. Потом ещё один. Рык стал тише, неувереннее. И тут я понял: оно не просто отступает. Оно подчиняется. Как дрессированная собака, которая услышала команду хозяина.

— Лежать, — сказал я. И, не знаю почему, добавил: — Фас.

Мутант лёг. Массивное тело опустилось на пол, морда легла на лапы. Он ждал следующей команды.

— Что за — Тьерри смотрел на меня, как на безумца. — Что ты сделал?

— Я не знаю. — А это была правда. Я чувствовал связь с существом. Тонкую, как паутинка, но реальную. Через запах. Через феромоны. Через то, что имплантанты в моём мозгу делали с химией моего тела. — Кто-то научил его подчиняться меткам. Духам. Определённым запахам. И мой запах он оказался нужным.

— Ты говоришь, будто эти твари дрессированные.

— А они и есть дрессированные. — Я присел перед псом. Он не шевелился, только дышал — тяжело, влажно. — Мастер, о котором говорил Марсель. Он не просто охотится на нас. Он создал армию. Он берёт мутантов, помечает их запахами, программирует через обоняние. "Шанель" — команда атаковать. "Крид" — команда охранять. Может быть, есть другие. Десятки комбинаций. Целый язык, написанный ароматами.

Тьерри присвистнул.

— И ты случайно нашёл кодовое слово?

— Не случайно. — Я вспомнил слова генерала Моро. "Ты лучший нос в Тур-Сите". Вспомнил, как легко меня выбрали для этой миссии. Как будто знали, что понадобится именно мой навык. — Меня запрограммировали. Имплантанты. Они не просто усиливают обоняние. Они они делают из меня ключ. К этой системе. К этому коду.

— Люсьен, ты несёшь бред.

— Может быть. — Я встал, глядя на мутанта. Идея формировалась в голове, безумная и логичная одновременно. — Или, может быть, всё это было подготовлено. Катастрофа. Эфир. Мутанты. И я — финальная часть плана. Того, кто ждёт в саду.

Я достал флакон с распылителем из боковой сумки. Стандартный нейтрализатор запахов, который мы носили для экстренных случаев. Распылил на мутанта. Запах "Крида" смылся, оставив только вонь гниения.

Пёс дёрнулся, завыл и бросился прочь, исчезая в тумане.

— Зачем ты его отпустил? — спросил Тьерри.

— Потому что убивать рабов бессмысленно. Нужно убить хозяина.

Мы пошли дальше. След крови и бергамота стал ярче, отчётливее. Я чувствовал его теперь не просто носом — всем телом, каждой клеткой. Будто кто-то вёл меня за руку.

Впереди проступили очертания ворот. Кованое железо, покрытое ржавчиной и плесенью, но всё ещё узнаваемое. На арке висела табличка: "Jardin du Luxembourg".

Люксембургский сад. Сердце Эфира. Исходная точка.

И место, где ждал тот, кто превратил мир в ольфакторный кошмар.

— Последний шанс вернуться, — сказал Тьерри.

— У нас никогда не было шанса вернуться. — Я толкнул ворота. Они открылись со скрипом, выпуская волну аромата. Роза и кровь. Жасмин и пепел. Ваниль и смерть.

Мы вошли в сад, и ворота за нами закрылись сами.

Глава 5. Сад Люксембург.

Внутри сада правила реальности перестали работать окончательно.

Первое, что я заметил — воздух здесь был другим. Не просто насыщенным Эфиром, а живым, пульсирующим, словно у него было собственное сердцебиение. Каждый вдох давался с усилием, респиратор работал на пределе, прогоняя через фильтры нечто более плотное, чем просто газовая смесь.

— Датчики сходят с ума, — Тьерри стукнул по экрану на предплечье. — Температура скачет от нуля до тридцати. Давление чёрт, давление вообще не определяется. Будто мы одновременно на дне океана и на вершине горы.

Я не отвечал. Меня интересовало другое. Запахи.

Сад пах океаном. Не метафорически — буквально. Йод и соль, водоросли и планктон, древняя вода, помнящая динозавров. Откуда в центре Парижа, в сотнях километров от моря, этот аромат? Но в Эфире вопрос "откуда" был бессмысленным. Здесь "откуда" превратилось в "почему" и "зачем".

Мы двигались по тропинке. Точнее, по тому, что когда-то было тропинкой. Брусчатка покрылась чем-то мягким, пружинящим под ногами. Мох? Я присел, коснулся перчаткой. Не мох. Губка. Морская губка, растущая на камнях, как будто мы шли по дну высохшего моря.

— Смотри, — Тьерри направил луч фонаря влево.

Дерево. Когда-то это был каштан — я узнал форму ствола, характерные развилки. Но теперь теперь оно росло не вверх, а внутрь себя. Ветви закручивались спиралями, вращались обратно в ствол, создавая невозможные узлы и переплетения. Кора была покрыта наростами, похожими на кораллы. А листья листья были прозрачными, светящимися изнутри холодным голубым светом.

И оно дышало. Я слышал это — медленный, глубокий вдох и выдох. Дерево вдыхало Эфир и выдыхало нечто иное. Я переключил анализатор.

— Кислород? — пробормотал я, глядя на данные. — Оно производит чистый кислород. Концентрация девяносто восемь процентов.

— Деревья всегда производили кислород, — заметил Тьерри.

— Не такой. Не настолько чистый. И не в Эфире. — Я обошел дерево по кругу, вдыхая его запах. Оно пахло морем и чем-то ещё. Озоном. Электричеством. Жизнью, которая была слишком интенсивной, слишком яркой, чтобы быть естественной. — Это не эволюция. Это дизайн. Кто-то изменил его. Переписал генетический код через химию.

Мы шли дальше. С каждым шагом сад становился всё более чужим. Клумбы превратились в заросли растений, которых не существовало ни в одном учебнике ботаники. Цветы с лепестками из хрусталя. Травы, оставляющие светящиеся следы там, где мы их касались. Кусты, которые шептали — не метафорически, а буквально издавали звуки, похожие на человеческую речь, но на языке, которого я не знал.

И запахи. Господи, запахи.

Здесь не было привычной гнили Эфира. Здесь каждое растение источало свой аромат, сложный, многослойный, точно составленный парфюмером-виртуозом. Роза пахла не просто розой — она пахла утренней росой на лепестках, последним вздохом умирающего цветка и обещанием весны одновременно. Лаванда несла ноты грозы, горного ветра и забытых снов. А огромные, в человеческий рост грибы у подножия искривленного дуба пахли временем. Я не мог объяснить это иначе. Они пахли прошлым и будущим, сжатыми в одну точку.

— Люсьен, — голос Тьерри был напряжённым. — Мы не одни.

Я замер. Прислушался. В обычном мире я бы услышал шаги, шелест листвы. Здесь было только это медленное, всепроникающее дыхание сада. Но Тьерри был прав. Мы не одни.

Я почувствовал это носом. Среди симфонии растительных ароматов появилась новая нота. Человеческая. Пот, кожа, дыхание. Кто-то наблюдал за нами.

— Три часа, — прошептал я, указывая направление.

Тьерри повернулся, вскидывая винтовку. Луч фонаря выхватил из темноты силуэт. Человек. Или то, что когда-то было человеком.

Он стоял между двумя деревьями, такими переплетенными, что невозможно было понять, где кончается одно и начинается другое. Одежды на нём не было. Кожа была покрыта узорами — не татуировками, а чем-то живым, пульсирующим. Лишайник? Симбиотические грибочки? Волосы свисали до земли, сплетаясь с корнями растений. А глаза.

Глаза были полностью черными. Не зрачки — весь глаз, от края до края, черный, как полированный обсидиан.

— Не стреляй, — сказал я Тьерри тихо. — Он не нападает.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он не пахнет агрессией. — Я сделал шаг вперед. Существо не двигалось. — Он пахнет любопытством. И страхом.

Я поднял руки, показывая, что не опасен. Медленно, очень медленно приблизился. Существо следило за мной черными глазами. Когда между нами осталось метра три, оно заговорило.

— Вы из Верхнего мира? — голос был странным, искаженным, словно говорящий забыл, как работает человеческая гортань.

— Да. Мы ищем — я запнулся. Что мы ищем? Истину? Мастера? Способ выжить? — Мы ищем того, кто создал всё это.

Существо наклонило голову, и я услышал скрип. Его шейные позвонки были частично заменены древесиной.

— Садовник, — прошептало оно. — Вы ищете Садовника. Он здесь. Всегда здесь. В каждом листе, в каждом корне. Он выращивает новый мир. Из старого. Из мёртвого.

— Где он? — спросил я.

— В центре. Там, где играет музыка. Там, где запахи становятся нотами, а ноты — реальностью. — Существо указало вглубь сада. — Но вы не дойдете. Сад не пускает незваных. Сад голоден.

Как по команде, растения вокруг зашевелились. Не от ветра — ветра в Эфире почти не было. Они двигались сами, ветви тянулись к нам, корни вылезали из земли, как щупальца осьминога.

— Бежим! — крикнул Тьерри.

Мы бросились вперед. Растения атаковали — иначе не назвать. Лиана хлестнула меня по плечу, оставив жгучий след даже сквозь костюм. Корень попытался обвиться вокруг ноги Тьерри, но он вырвался, прыгнув вперед.

Я бежал, задыхаясь, прокладывая путь через живую, хватающую зелень. И вдруг понял: сад не просто атакует. Он направляет. Растения не хватают нас, чтобы убить. Они подталкивают, загоняют, ведут в определенную сторону.

К центру. К тому, кто ждет.

Мы выскочили на поляну. Посреди неё, освещенная холодным светом люминесцентных грибов, стояла конструкция. Не здание — инсталляция. Рояль. Черный, лакированный, невероятно сохранившийся, будто его принесли сюда вчера.

А за роялем сидел человек в смокинге.

У него не было глаз — вместо них сложные сенсоры, похожие на фасеточные глаза стрекозы. Но нос нос был идеален. Классический греческий профиль, ноздри чуть раздуты, словно он постоянно вдыхал мир.

— Гости, — произнёс он, и голос зазвучал прямо в моей голове, минуя уши. — Я давно не чувствовал запаха стерильности. Вы пахнете Верхним миром, Люсьен. Пахнете скукой, страхом и ложной безопасностью.

— Ты знаешь меня? — я остановился в десяти метрах от него.

— Я знаю твой аромат. Ты особенный. Ты — ключ, который они не догадываются повернуть. — Человек положил руки на клавиши. — Позволь представиться. Я — Маэстро. Хранитель этого сада. Проводник симфонии Эфира. И я долго ждал того, кто сможет услышать то, что я играю.

Он ударил по клавишам.

Звука не было. Но в воздух выбросилось облако аромата. Роза и ладан. Тяжелая, плотная волна, которая ударила в ноздри, заставив пошатнуться.

— Добро пожаловать, — улыбнулся Маэстро, — в концерт конца света.

Глава 6. Маэстро у органа.

Рояль не издавал звуков. Вместо этого каждая клавиша выбрасывала в воздух облачко ароматических молекул — видимых только в инфракрасном спектре, но я чувствовал их так отчётливо, словно это были материальные объекты, летящие мне в лицо.

Маэстро играл медленно, методично. Его пальцы скользили по клавишам с точностью хирурга, и каждое касание рождало новую ноту обонятельной партитуры. До-мажор пах сандалом и мёдом. Ре-бемоль — йодом и морской водой. Фа-диез — жженым янтарем и кожей старых книг.

Я стоял, загипнотизированный, пока симфония разворачивалась передо мной. Это была не просто композиция — это была история. Я *видел* её носом. Видел город до катастрофы: кофейни пахли свежей выпечкой, улицы — бензином и духами прохожих, парки — скошенной травой и детским смехом. Потом пришел Эфир. Резкий, химический запах перебил всё остальное, как диссонанс в мелодии. Паника пахла кислым потом и адреналином. Смерть — известью и тишиной.

А потом потом начался новый мир. Биологические мутации источали запах озона и аммиака. Растения научились дышать по-новому, пахнуть по-новому. И сквозь всё это пробивалась тонкая нить — запах того, кто всё это создал. Цитрус и кровь. Бергамот и железо.

Маэстро оборвал мелодию на полутоне. Тишина упала как топор.

— Ты слышал? — спросил он, поворачиваясь ко мне. Фасеточные глаза мерцали в полумраке. — Не ушами. Носом. Ты услышал его симфонию?

— Я — голос застрял в горле. — Я почувствовал конец света. И то, что пришло после.

— Хорошо. Очень хорошо. — Маэстро встал из-за рояля. Он был высоким, худым до изможденности, и двигался так плавно, что казалось, будто он парит над землей. — Большинство из Верхнего мира потеряли дар чувствовать. Их носы атрофировались в стерильном воздухе небоскребов. Но ты ты другой. В тебе есть искра понимания.

Тьерри, молчавший до этого, сделал шаг вперед, держа винтовку наготове.

— Хватит загадок. Кто ты такой? Что случилось с экспедицией "Бета-7"? И кто этот чертов Алхимик, о котором все говорят?

Маэстро повернулся к нему. На его лице появилась улыбка — печальная, почти сочувствующая.

— Твой друг не слышит музыку, Люсьен. Он глух к истинной природе мира. — Он сделал жест рукой, и из темноты проступили фигуры. Те самые существа, которых мы видели раньше — люди-растения, симбиоты сада. Их было с дюжину, они окружили нас бесшумным кольцом. — Но я отвечу на его вопросы. Из вежливости. Из любопытства. Из надежды, что ты, Нос из Верхнего мира, поймешь то, что я пытаюсь сказать.

Он прошелся вдоль края поляны, его смокинг шелестел, несмотря на тишину Эфира.

— Я был парфюмером, — начал Маэстро. — До катастрофы. В старом мире. Создавал ароматы для тех, кто мог позволить себе роскошь. Работал на "Шанель", потом на "Диор", потом открыл собственный дом. Мое имя было на слуху — Виктор Беллевиль. Слышал такое?

Я покачал головой. Имя было незнакомым.

— Неудивительно. Прошло тридцать лет. Память мира короче, чем жизнь аромата. — Он вернулся к роялю, провел пальцами по клавишам, не нажимая. — Когда пришел Эфир, я был здесь, в саду. Работал над новой композицией, вдохновленный цветением роз. И я я не умер. Не мутировал, как эти бедняги. — Он кивнул на существ вокруг. — Я эволюционировал.

— Эволюционировал? — переспросил я.

— Эфир не просто туман, Люсьен. Это медиум. Проводник. Он усиливает то, что уже есть в тебе. У кого-то усиливается страх — они становятся монстрами. У кого-то ненависть

— они превращаются в охотников. А у меня у меня усилилось понимание. Чувство запаха расширилось за границы обыденного. Я начал *слышать* ароматы. *Видеть* их. Управлять ими.

Он ударил по клавише. Запах розы взорвался в воздухе, такой концентрированный, что у меня закружилась голова.

— Я построил этот сад. Переписал генетический код растений через ольфакторные команды. Создал симбионтов — людей, которые добровольно слились с флорой, чтобы жить в новом мире. Я думал я думал, что я единственный, кто освоил эту магию. Но я ошибался.

— Алхимик, — сказал я.

— Да. — Маэстро повернулся ко мне, и в его голосе прозвучала нота, которой раньше не было. Страх. — Он появился год назад. Или два. В Эфире время течет странно. Я почувствовал его присутствие по запаху. Он не просто управляет ароматами, Люсьен. Он трансмутирует материю через них. Превращает бетон в стекло. Живое в мертвое. Реальность в иллюзию. Он ищет нечто, что я называю Исходным Кодом — запах, с которого началась Вселенная.

— Это невозможно, — пробормотал Тьерри. — Запахи не могут менять материю.

— В старом мире — нет. Здесь — могут. — Маэстро снова сел за рояль. — Эфир изменил законы физики. Молекулы ароматов здесь несут информацию. Не просто химическую — квантовую. Они могут переписывать структуру вещества на базовом уровне, если знаешь правильную последовательность. Алхимик знает.

— Что он хочет? — спросил я.

— Того же, что хочет любой творец. Переделать мир по своему образу. Стереть старое, создать новое. — Маэстро начал играть снова, и теперь мелодия была темной, зловещей. Запахи кружились вокруг нас — гниль и жасмин, кровь и лаванда. — Твоя экспедиция, "Бета-7" они наткнулись на один из его экспериментов. Он использовал их как материал. Превратил их в маркеры, оставил как послание. Для меня. Или для тебя.

— Для меня?

— Ты — ключ, Люсьен. Твой нос, твои имплантанты, твоя чувствительность. Ты был создан для того, чтобы найти Исходный Код. Думаешь, случайность, что Совет выбрал именно тебя? Думаешь, твои способности — природный дар? — Маэстро засмеялся, и смех его был горьким. — Тебя запрограммировали. С детства. Импланты в мозгу — они не просто усилители. Они детекторы. Настроенные на определенную частоту, определенный аромат.

Мир вокруг меня закачался. Я вспомнил слова генерала Моро, странную уверенность, с которой он отправил меня сюда. Вспомнил, как легко я находил следы, как интуитивно понимал ольфакторные команды.

— Кто меня запрограммировал? — спросил я тихо.

— Не знаю. Может, тот же человек, который создал Эфир. Может, тот, кто пытается его остановить. В этой игре много игроков, Нос. И ты — одна из фигур. — Маэстро остановил игру. — Но у тебя есть выбор. Ты можешь вернуться наверх. Солгать Совету. Сказать, что не нашел ничего. Прожить остаток дней в безопасности стерильных башен.

— Или?

— Или пойти дальше. Найти Алхимика. Узнать правду о том, кто ты, зачем тебя создали, и что на самом деле случилось с миром тридцать лет назад. — Он достал из кармана смокинга флакон. Маленький, хрустальный, наполненный прозрачной жидкостью. — Это единственное оружие, которое может помочь. Запах абсолютной реальности. Нашатырь и эссенция правды. Если встретишь Алхимика — разбей это. Его иллюзии рассеются.

Я взял флакон. Стекло было теплым, будто живым.

— Куда мне идти?

— Вниз. Глубже. В Катакомбы под Парижем. Там, где кости помнят песни мертвых, и воздух пахнет вечностью. Там его логово. — Маэстро встал, сделал шаг назад, растворяясь в

тени деревьев. — Иди, Нос. Или беги. Но помни: каждый вдох приближает тебя к истине. А истина здесь пахнет смертью.

Симбионты расступились, освобождая путь. Тьерри схватил меня за плечо.

— Люсьен, мы уходим. Сейчас же. Это все безумие.

Глава 7. Ольфакторная запись смерти.

— Ты хочешь знать, что случилось с твоими людьми? — Маэстро вернулся к роялю, его длинные пальцы зависли над клавишами. — Я могу показать. Не рассказать — показать. Эфир помнит всё. Каждый вздох, каждую смерть. Запахи не исчезают здесь, они откладываются слоями, как годовые кольца дерева. Нужно лишь уметь их читать.

— Ты записал их смерть? — в моем голосе прозвучало что-то между ужасом и восхищением.

— Не я. Сам воздух записал. Я лишь научился воспроизводить. — Он посмотрел на меня своими фасеточными глазами. — Но предупреждаю: это будет больно. Ольфакторная память глубже визуальной. Она проникает прямо в лимбическую систему мозга, минуя защиты сознания. Ты не просто увидишь их смерть. Ты проживешь её. Каждую секунду. Каждое чувство.

Тьерри схватил меня за плечо.

— Не надо, Люсьен. Это может сломать тебя.

Но я уже решил. Если я хотел понять, что произошло, если хотел знать, во что ввязался — мне нужна была правда. Вся правда, без фильтров и смягчений.

— Делай, — сказал я Маэстро.

Он кивнул и начал играть.

Первая нота была невинной. Запах кофе — крепкого, горячего, с легкой горчинкой. Утро в лагере экспедиции. Я *видел* это носом: синтетическая палатка пахла новым пластиком, спальные мешки — потом и дезодорантом, воздух снаружи — Эфиром и сыростью. Пять человек. Марсель, которого я уже встречал в метро. Анна — биолог, она пахла лавандовым мылом и тревогой. Пьер — техник, от него шел запах паяльной кислоты и табака. Клара — картограф, аромат её духов "Живанши" пробивался даже сквозь защитный костюм. И капитан Дюфор — не родственник того Дюфора, о котором говорил Маэстро, но совпадение имени было зловещим. Он пах лидерством и скрытым страхом.

Маэстро играл дальше, и композиция развивалась. Они шли сквозь Эфир, следуя координатам, полученным от предыдущей группы. Запахи менялись: сырость, гниль, озон, споры. Стандартный букет подземного Парижа. Но потом появилось что-то новое.

Бергамот.

Тонкая струйка цитруса, почти незаметная среди какофонии ароматов мертвого города. Они не обратили внимания. Но она вела их, как нить Ариадны. Или как удавка.

Маэстро ускорился. Запахи сменяли друг друга быстрее. Экспедиция спускалась в катакомбы. Здесь пахло иначе — известь, старые кости, земля, которая не видела солнца столетиями. И снова бергамот, сильнее, навязчивее.

Потом они нашли камеру.

Маэстро ударил по клавише, и меня обдало волной нового запаха. Ваниль и жасмин, роза и сандал, лаванда и мускус — десятки, сотни ароматов, смешанных в единую, невыносимую какофонию. Это была не композиция. Это был хаос, ольфакторный шторм.

Я почувствовал их панику. Анна закричала первой — её крик пах адреналином и желчью. Пьер попытался бежать, но споткнулся. Его страх был кислым, едким. Клара молилась — её молитва пахла ладаном и отчаянием.

А капитан Дюфор пытался их вывести. Я чувствовал его решимость, пробивающуюся сквозь страх. Он пах потом, кровью из прикушенной губы и чем-то ещё — честью? Долгом? У этих понятий не было запаха, но я всё равно ощущал их.

Маэстро играл быстрее, яростнее. Его пальцы летали по клавишам, и воздух вокруг меня становился гуще, плотнее, превращаясь в вязкую субстанцию из ароматов. Я задышался, даже с респиратором. Мой мозг не успевал обрабатывать информацию.

Потом появился Он.

Алхимик.

Я не видел его лица — я не мог видеть в этой ольфакторной записи. Но я чувствовал его присутствие. Он пах иначе. Не как человек, не как мутант. Он пах как сама суть Эфира, концентрированная до предела. Цитрус и кровь, озон и ваниль, металл и цветы — всё сразу, всё одновременно, идеально сбалансированное.

Он говорил. Я не слышал слов, но чувствовал их значение через запах. Он предлагал им выбор. Стать частью эксперимента. Эволюционировать. Или умереть.

Анна согласилась первой. Её страх сменился любопытством, пахнувшим озоном и мятой. Алхимик коснулся её — я почувствовал это прикосновение через запах, холодное, пахнущее жидким азотом. И она начала меняться. Её запах трансформировался, человеческие феромоны заменялись чем-то иным. Она становилась симбионтом, как те, что мы видели в саду.

Пьер попытался сбежать. Алхимик выбросил в воздух облако аромата — резкого, жгучего, пахнущего нашатырем и йодом. Пьер рухнул, его тело начало затвердевать. Кальцификация. Он превращался в камень, как те люди в метро.

Клара молилась громче. Алхимик засмеялся? Его смех пах горьким миндалем. Он распылил на неё другой аромат — сладкий, приторный, похожий на хлороформ. Клара упала и больше не просыпалась. Её запах медленно исчезал, как гаснущая свеча.

Марсель дрался. Я чувствовал его ярость, смешанную с отчаянием. Он пах тестостероном и кортизолом, чистым животным инстинктом выживания. Но Алхимик был сильнее. Он заразил Марселя чем-то вирусом? Спорами? Я не мог определить. Но Марсель начал мутировать прямо на месте. Его человеческий запах исчезал, заменяясь вонью гниения и синтетикой парфюма.

А капитан Дюфор.

Маэстро ударил по последней клавише — долго, протяжно. Запах был оглушающим. Кровь и бергамот, смешанные в равной пропорции.

Капитан выстрелил в Алхимика. Я почувствовал запах пороха, горячего металла. Пуля попала. Но вместо крови из раны потекло нечто иное — жидкость, пахнущая розовым маслом и формальдегидом. Алхимик не был человеком. Может быть, никогда им и не был.

Он схватил капитана. И то, что он сделал дальше, было хуже смерти. Он начал переписывать его на молекулярном уровне. Я чувствовал, как клетки капитана разбирались и собирались заново, как его ДНК перекодировалась через химические сигналы. Это было медленно. Это было мучительно. Его крики пахли железом и отчаянием.

И когда всё закончилось, от капитана Дюфора осталась только оболочка. Марионетка, источающая запах бергамота и крови. Сообщение. Приглашение. Для меня.

Маэстро оборвал мелодию. Тишина упала как гильотина.

Я стоял, задыхаясь, держась за голову. Меня трясло. Респиратор сходил с ума, пытаясь очистить воздух от шлейфа ароматов, но они уже въелись в мою память, в каждую клетку мозга.

— Теперь ты знаешь, — сказал Маэстро тихо. — Теперь ты понимаешь, с чем имеешь дело. Алхимик не просто убивает. Он творит. Он создаёт искусство из агонии. Каждая смерть для него — эксперимент. Каждая жертва — материал.

Я опустился на колени. Тьерри бросился ко мне, но я оттолкнул его.

— Они страдали, — прохрипел я. — Господи, как они страдали.

— Да. И ты почувствовал каждую секунду. Таков дар обоняния, Люсьен. Таково проклятие "носа". — Маэстро встал из-за рояля. — В старом мире запах был просто информацией. Здесь он стал языком, оружием, способом изменения реальности. И Алхимик говорит на этом языке лучше всех.

Я поднялся, шатаясь. Вкус желчи во рту. Руки дрожали.

— Почему он оставил Марселя в живых? Почему сделал из него посыльного?

— Потому что он хочет, чтобы ты пришёл. Потому что ты — недостающая часть его плана. — Маэстро указал на флакон в моей руке. — Этот аромат — твоя единственная защита. Используй его, когда встретишь Алхимика. Он рассеет иллюзии. Но помни: у тебя будет только один шанс.

Я сжал флакон до боли в пальцах. Экспедиция "Бета-7" погибла, потому что искала Исходную точку. Они нашли не эпицентр катастрофы. Они нашли лабораторию безумца.

И теперь этот безумец ждал меня.

— Сколько времени у меня есть? — спросил я.

— До чего? До встречи с ним? До того, как он найдет Исходный Код? До конца мира? — Маэстро покачал головой. — Время здесь не имеет значения. Есть только выбор. Идти вперед или бежать назад.

Я посмотрел на Тьерри. Он смотрел на меня с выражением, которое я не мог прочесть. Страх? Жалость? Решимость?

— Что скажешь? — спросил я его.

Тьерри медленно передернул затвор винтовки.

— Я говорю, что если мы идем убивать монстра, то лучше делать это быстро. Пока он не убил нас.

Я кивнул. Выбор был сделан еще тогда, когда я переступил порог сада. Может быть, еще раньше — когда согласился на эту миссию. Или в тот день, когда мне вживили импланты.

Возврата не было. Был только путь вперед. В катакомбы. В логово Алхимика. В сердце тьмы, которая пахла бергамотом и кровью.

— Идем, — сказал я. И мы пошли.

Глава 8. Дар Маэстро.

Выход из сада не был таким же, как вход. Маэстро повел нас другой дорогой — через заросли, которые расступались перед ним, словно живые существа, узнающие хозяина. Может быть, так и было. Здесь, в сердце Эфира, граница между живым и неживым давно стерлась.

— Флакон, который я дал тебе, — это лишь часть того, что тебе понадобится, — говорил Маэстро, шагая впереди. Его голос звучал прямо в черепе, обходя уши. Я уже привык к этому странному ощущению. — Запах абсолютной реальности разрушит иллюзии Алхимика, но только на короткое время. Минута, может, две. Этого достаточно, чтобы увидеть его истинное лицо. Но недостаточно, чтобы победить.

— Тогда зачем он нужен? — спросил Тьерри, шедший позади. Его рука не отпускала рукоять винтовки.

— Чтобы не сойти с ума раньше времени. — Маэстро остановился перед массивным деревом, кора которого была покрыта светящимися рунами. Не настоящими рунами — узорами из биолюминесцентного лишайника, но они складывались в нечто похожее на письменность. — Алхимик работает с восприятием. Он заставляет тебя чувствовать то, чего нет. Видеть носом то, что хочет показать. Этот флакон — якорь. Он напомнит тебе, что реально, а что нет.

Он коснулся дерева, и ствол раскрылся, обнажив полость внутри. Там, в углублении, лежали предметы. Маэстро достал их, один за другим, выкладывая на ладонь.

— Первое: маркерные кристаллы. — Он показал три маленьких, размером с ноготь, прозрачных осколка. Они мерцали изнутри холодным светом. — Они впитывают запахи. Если встретишь аромат, который покажется важным, подозрительным или просто интересным — поднеси кристалл. Он запишет ольфакторную сигнатуру. Потом сможешь проанализировать наверху, в своей лаборатории. Если, конечно, доживешь.

Я взял кристаллы. Они были теплыми, пульсировали в руке, словно живые сердца.

— Второе: нейтрализатор. — Маэстро достал ампулу с мутной жидкостью. — Если Алхимик выбросит в воздух токсичную композицию, разбей это. Испарения нейтрализуют большинство известных ольфакторных ядов. Большинство, но не все. На химическое оружие старого мира это не подействует, но здесь, в Эфире, должно помочь.

Я спрятал ампулу в защищенный карман на груди.

— И третье — Маэстро помедлил. На его лице, искаженном мутациями, промелькнуло что-то похожее на сомнение. — Третье я дам, но ты должен пообещать, что не используешь это без крайней нужды.

— Что это? — я напрягся.

Маэстро достал из полости дерева еще один флакон. Этот был меньше, из черного стекла, запечатанный воском.

— Это назовем это "Последний вздох". Концентрат всех самых ядовитых, токсичных, разрушительных ароматов, которые я смог собрать за тридцать лет. Синильная кислота, угарный газ, споры черной плесени, феромоны паники. Если разобьешь это в замкнутом пространстве, умрет всё живое в радиусе десяти метров. Включая тебя, если не успеешь надеть максимальную защиту.

Тьерри отступил на шаг.

— Это же биологическое оружие.

— Хуже. Это ольфакторное оружие. — Маэстро протянул флакон мне. — В старом мире такое было невозможно. Здесь, где запахи стали материей, это — граната, которая уничтожает не тела, а саму суть жизни. Используй только если нет другого выхода. И знай: после этого

ты никогда не будешь прежним. Такая концентрация смерти оставляет след в обонятельной памяти навсегда.

Я взял флакон. Черное стекло было ледяным, несмотря на теплый воздух сада. Я чувствовал, как сквозь запечатанную пробку просачивается тончайшая струйка аромата. Он пах пустотой. Отсутствием всего. Небытием.

Я убрал флакон подальше, в самый защищенный отсек рюкзака.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил я Маэстро. — Ты мог бы оставить нас в саду. Или убить. Превратить в симбионтов, как тех людей.

Маэстро повернулся ко мне. Фасеточные глаза мерцали.

— Потому что я помню, каким был человеком. До того, как стал этим. — Он провел рукой по своему искаженному телу. — Я помню запах кофе по утрам, свежеспеченного хлеба, духов на коже любимой женщины. Я помню мир, в котором ароматы были радостью, а не оружием. И я хочу, чтобы этот мир вернулся. Или хотя бы не исчез окончательно.

— Ты думаешь, я могу остановить Алхимика?

— Не знаю. Может быть, ты его убьешь. Может быть, он убьет тебя. А может — Маэстро замолчал, потом добавил тише: — Может, ты поймешь, что он прав. Что старый мир должен умереть, чтобы родился новый. Я не знаю ответа, Люсьен. Я только создаю музыку. Ты же — тот, кто должен решить, что делать с этой симфонией.

Мы подошли к границе сада. Здесь снова были те кованые ворота, через которые мы вошли. Или другие, точно такие же. В Эфире топология была относительной.

— Катакомбы начинаются в двух километрах отсюда, — сказал Маэстро. — На юго-запад. Ищи вход возле старой церкви Сен-Северин. Там спуск в подземелье. Но будь осторожен: Алхимик знает, что ты идешь. Он подготовил дорогу. Ловушки, загадки, испытания. Для него это игра. Смертельная игра.

— У нас осталось шесть часов автономности, — напомнил Тьерри, проверяя датчики.

— Тогда не трать время. — Маэстро открыл ворота. За ними клубился Эфир, густой и непроницаемый. — И еще, Люсьен. Когда встретишь Алхимика понюхай его. По-настоящему, без фильтров. Его истинный запах скажет тебе больше, чем любые слова.

— Это опасно.

— Всё в Эфире опасно. Но истина опаснее всего. — Маэстро сделал шаг назад, растворяясь в зарослях своего сада. — Удачи, Нос. Надеюсь, мы встретимся снова. В мире, где я смогу сыграть тебе не реквием, а что-нибудь радостное.

Ворота захлопнулись за нами. Сад исчез, поглощенный туманом. Мы стояли на пустой улице мертвого Парижа, и единственным ориентиром был запах — тонкая, почти неуловимая нить бергамота и крови, тянущаяся на юго-запад.

— Проверь снаряжение, — сказал я Тьерри. — Дальше будет хуже.

Он кивнул, перезарядил винтовку, затянул лямки рюкзака. Я сделал то же самое, убедившись, что все флаконы на месте, все кристаллы целы.

Мы пошли в сторону катакомб. В сторону логова Алхимика. В сторону правды, которая, как предупредил Маэстро, могла оказаться страшнее любой лжи.

Глава 9. Возвращение.

Подъем длился вечность.

Мы сидели в герметичной капсуле, прижатые ремнями к креслам, и молча смотрели, как Эфир за стеклом становится всё светлее, разреженнее, превращаясь из густого супа в лёгкую дымку. Датчики на панели показывали уменьшение концентрации спор, падение токсичности, рост содержания кислорода. Мы возвращались в мир живых.

Тьерри не произнес ни слова с тех пор, как мы покинули сад. Он сидел, обхватив винтовку, и его лицо за визором было серым, осунувшимся. Встреча с Маэстро, ольфакторная запись гибели экспедиции, разговоры об Алхимике — всё это сломало что-то внутри него. Я видел это по тому, как дрожали его руки, как он избегал смотреть мне в глаза.

А я я чувствовал только усталость. Такую глубокую, костную усталость, словно прожил не шесть часов в Эфире, а целую жизнь. Флакон Маэстро в кармане был тяжелым, как свинцовый груз. Флакон с "Последним вздохом" в рюкзаке — ещё тяжелее. Я нёс смерть в двух бутылках, и это знание давило на плечи сильнее, чем вес снаряжения.

Капсула дёрнулась, замедляясь. Мы достигли платформы приёма в Тур-Сите. Двери разъехались с шипением, и нас встретил стерильный воздух небоскрёба — кондиционированный, отфильтрованный, мёртвый.

Я снял респиратор и сделал первый вдох. Ничего. Никакого запаха. Только пустота, разбавленная слабым ароматом синтетического озона от очистителей воздуха. После симфонии Эфира это было как оглохнуть.

— Люсьен, Тьерри, — техник в белом костюме кивнул нам. — Проходите в дезинфекционную камеру. Стандартная процедура.

Мы прошли через три шлюза. В каждом нас обдавало горячим паром, затем химическими аэрозолями, затем ультрафиолетом. Споры Эфира, прилипшие к костюмам, умирали, шипя и дымясь. Я чувствовал, как с каждым этапом очистки от меня уходит что-то важное. Память о запахах. Связь с тем миром внизу.

Последний шлюз открылся, и мы вышли в раздевалку. Здесь нас ждал медик с портативным сканером.

— Биологические показатели в норме, — объявил он после минутной проверки. — Незначительное повышение кортизола, но это ожидаемо после спуска. Можете идти на дебрифинг.

Дебрифинг. Допрос, если называть вещи своими именами. Генерал Моро захочет знать всё: что мы видели, что нашли, почему не вернулись с данными экспедиции "Бета-7".

Я переоделся в чистую одежду, спрятав флаконы Маэстро во внутренний карман куртки. Кристаллы-записи — в другой карман. Всё остальное снаряжение сдал на склад.

— Что будешь говорить генералу? — спросил Тьерри, когда мы остались одни в коридоре.

— Правду, — ответил я. — Частично.

— Какую частично?

— Что "Бета-7" погибла. Что мы нашли следы мутантов, помеченных искусственными ароматами. Что в Эфире действует некая разумная сила, использующая запахи как оружие. — Я посмотрел на него. — Но про Маэстро, про сад, про Алхимика и Исходный Код — ни слова. Это назовём галлюцинациями. Токсическим воздействием спор на обонятельные центры мозга.

— Ты хочешь солгать Совету?

— Я хочу остаться в живых достаточно долго, чтобы понять, что происходит на самом деле. Если я расскажу всё, меня либо объявят сумасшедшим и отстранят, либо — я не закон-

чил. Либо поймут, что я знаю слишком много, и устранят. В Совете были люди, заинтересованные в сохранении статус-кво. Если Эфир можно было контролировать или даже обратить вспять, кто-то терял власть. Много власти.

Тьерри кивнул медленно.

— Я скажу то же самое. Галлюцинации. Споры. Токсикация. — Он потёр лицо руками. — Знаешь, Люсьен, я двадцать лет спускаюсь в Эфир. Видел мутантов, аномалии, вещи, которые не вписываются ни в одну научную теорию. Но то, что мы увидели сегодня Это другое. Это не просто хаос. Это дизайн. План. И я, чёрт возьми, не хочу быть фигурой в чужой игре.

— Поздно. Мы уже фигуры. Вопрос только — чьи.

Мы прошли в кабинет генерала. Моро ждал нас, сидя за массивным столом. На стене за ним висела карта старого Парижа, покрытая красными метками — зоны, где пропали экспедиции.

— Докладывайте, — его голос был ровным, но я чувствовал напряжение. Он боялся. Запах страха пробивался даже сквозь его дорогой одеколон.

Я рассказал подготовленную версию. Спуск. Обнаружение рюкзака. Нападение мутанта, помеченного духами. Следы, ведущие в катакомбы. Ольфакторная ловушка в метро — я описал её как концентрацию токсичных спор, вызвавшую галлюцинации. Марселя представил как заражённого мутанта, бредившего перед смертью.

— Данных экспедиции мы не нашли, — закончил я. — Капсула была пуста. Если "Бета-7" что-то обнаружила, эта информация потеряна.

Моро слушал молча, барабанил пальцами по столу. Когда я закончил, он долго смотрел на меня.

— Галлюцинации, — повторил он. — Вы оба видели одно и то же?

— Да, сэр, — подтвердил Тьерри. — Споры воздействуют на обонятельные центры, а они связаны с зонами памяти и эмоций. Коллективные видения в условиях стресса — известный феномен.

— Известный, — Моро кивнул. — И удобный. — Он встал, подошёл к окну. За ним простирался Тур-Сите — белые башни, парящие над морем Эфира. — Я дам вам неделю отдыха. Пройдёте медицинское обследование, психологическую оценку. Потом решу, можно ли вас допускать к дальнейшим спускам.

— Сэр — начал я.

— Свободны, — отрезал он.

Мы вышли. В коридоре Тьерри молча пожал мне руку и пошёл к своему кварталу. Я остался один.

Моя лаборатория находилась на семидесятом уровне башни. Это было стерильное помещение, заставленное хроматографами, масс-спектрометрами, стеллажами с образцами. Мой дом. Моя тюрьма.

Я закрыл дверь, активировал блокировку. Достал флаконы и кристаллы, разложил на столе. Три записи ароматов, сделанные в саду. Флакон с запахом абсолютной реальности. Ампула с нейтрализатором. И "Последний вздох" — чёрное стекло, холодное, источающее едва заметный аромат небытия даже сквозь воск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.